

Тыну40k
Goblina

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДМИТРИЙ GOBLIN ПУЧКОВ

РАЗВЕД ОПРОС

КИРИЛЛ НАЗАРЕНКО

ПОД АНДРЕЕВСКИМ И КРАСНЫМ ФЛАГОМ

РУССКИЙ ФЛОТ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ,
ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЯХ
1914 – 1918 ГГ.

Разведопрос

Дмитрий Пучков

**Под Андреевским и Красным
флагом. Русский флот в
Первой мировой войне,
Февральской и Октябрьской
революциях. 1914–1918 гг.**

«Питер»

2019

УДК 355.353(47)
ББК 68.66(2)

Пучков Д. Ю.

Под Андреевским и Красным флагом. Русский флот в Первой мировой войне, Февральской и Октябрьской революциях. 1914–1918 гг. / Д. Ю. Пучков — «Питер», 2019 — (Разведопрос)

ISBN 978-5-4461-1311-8

В новой книге К. Б. Назаренко, профессора Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, подробно рассматривает морское офицерство Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций. Опираясь на синхронные источники и документы того времени, автор описывает боевые действия на море, а также жизнь и быт матросов и офицеров. Каковы были социальное происхождение и боевой опыт офицеров флота? Какие у них были взаимоотношения с властью? Сколько офицеров русского флота погибло в ходе Первой мировой войны и сколько – от рук собственных подчиненных во время революций? Какие причины послужили поводом для революционных настроений матросов? Многочисленные таблицы с характеристиками состава Российского, а затем и советского военно-морского флота, а также фотографии времен Первой мировой войны и Великой революции, представленные в книге, делают облик сражений ярким и наглядным.

УДК 355.353(47)
ББК 68.66(2)

ISBN 978-5-4461-1311-8

© Пучков Д. Ю., 2019

© Питер, 2019

Содержание

Предисловие	7
Введение	8
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Кирилл Назаренко, Дмитрий Goblin Пучков
Под Андреевским и Красным флагом
Русский флот в Первой мировой войне,
Февральской и Октябрьской революциях.
1914–1918 гг.

Серия «РАЗВЕДОПРОС»

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В оформлении обложки использована картина «Обстрел турецкого побережья линкорами “Пантелеймон” и “Ростислав” 1916 г.», художник А. А. Тронь

© ООО Издательство «Питер», 2019

© Серия «РАЗВЕДОПРОС», 2019

© ООО «Издательство Питер», 2019

© Дмитрий GOBLIN Пучков, 2019

© Назаренко К. Б., 2019

* * *

*Памяти профессора кафедры источниковедения истории
России Института истории Санкт-Петербургского государственного
университета, д. и. н. Эдуарда Васильевича Летенкова (писателя
Э. Летова)*

Предисловие

Столетие событий Первой мировой войны и революционных событий 1917 г. в России породило гору разного сорта книг, статей и просто пабликов. Далеко не все они написаны людьми, которые хотя бы пытались изучать вопрос, по которому пишут. Предлагаемая книга написана на основе изучения синхронных источников, документов, исходящих из той эпохи и несущих в себе подлинный дух того времени. Это попытка осмыслить людей и эпоху, опираясь, прежде всего на документы, очищенные от последующих наслоений, которые так часто искажают правду об эпохе. В этой книге нет ссылок на источники – она написана в научно-популярном ключе – но все утверждения автора построены на их изучении.

В книге К. Б. Назаренко уделено место описанию боевых действий на море во время Первой мировой войны. В ней достаточно подробно рассказывается о жизни и быте матросов и офицеров, о причинах революционных настроений матросов.

В наши дни российская «образованная публика» зачастую представляет себе революционных матросов по фильму «Адмиралъ», в котором они показаны небритыми и пьяными бандитами. На этом фоне хорошо узнать мнение авторитетного специалиста о действительном положении дел, о том, что матросы были нормальными людьми, боровшимися за человеческие права.

Важна еще одна мысль К. Б. Назаренко – что гражданская война редко начинается с большого кровопролития, что преодолеть психологический барьер стрельбы «по своим» очень трудно. Поэтому знаменитый штурм Зимнего дворца 25 октября 1917 г. был почти бескровным.

Увлекательно описывает автор события рубежа 1917–1918 гг.: разгон Учредительного собрания, бои с немцами, Ледовый поход, в которых матросы принимали активное участие.

Книга читается легко, даже самые сложные политические вопросы описаны ясным и простым языком.

Для тех, кто хочет продолжить познание «эпохи войн и революций», предназначен список литературы в конце книги.

Настоятельно рекомендую к прочтению.

Дмитрий Goblin Пучков

Введение

В основе книги лежат лекции «Русский флот и революция 1917 г.», прочитанные мной в Санкт-Петербургском государственном университете в 2017/18 учебном году к 100-летию революционных событий.

Прежде всего, давайте остановимся на вопросе: откуда историки узнают об исторических событиях XX в.? Обычно они опираются на делопроизводственные документы, которые, при всех своих недостатках, хотя бы точно датированы. Можно сомневаться в их «правдивости», но во всяком случае они содержат информацию о времени события. Обычно государственный аппарат во множестве производит делопроизводственные документы, которые охватывают самые разные стороны жизни общества.

Однако революция – предельно антибюрократический процесс. Революция слабо отражается в делопроизводстве. Поэтому важнейшим источником информации о Февральской революции, об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде и, в частности, о штурме Зимнего дворца являются воспоминания. А это один из самых сложных исторических источников: мемуары берут читателя в плен, захватывают его, ведут за собой. Неслучайно литераторы давно освоили прием повествования от первого лица, поскольку при этом читатель невольно ассоциирует себя с героем, ставит себя на его место. То же самое происходит и с воспоминаниями. У читателя складывается бессознательно-доверчивое отношение к этому виду источников – ведь очевидец же написал, наверное, так все и было, думает он. В действительности же память проделывает с мемуаристами удивительные вещи. В памяти события сдвигаются по временной шкале, иные и вовсе пропадают. Мемуарист может внести в свои воспоминания события, свидетелем которых он быть не мог, но о которых читал или слышал позднее. Автор воспоминаний может задним числом сделать свою фигуру гораздо значительнее, чем она была в действительности. Что говорить о форме воспоминаний? Они пестрят диалогами, пространными монологами, рассуждениями и мыслями, которые автор никак не мог запомнить и пронести через десятилетия, отделявшие событие от написания воспоминаний. С другой стороны, дневники или воспоминания, написанные по горячим следам событий, могут быть наполнены слухами и домыслами, выдаваемыми за собственные впечатления. Только скрупулезный анализ и научная критика исторических источников способны провести историка через все препятствия и приблизить его к истине.

Сто лет назад фотография все еще была редкостью, тем более фотография репортажная. Поэтому события, описываемые в этой книге, лишь в редких случаях оказывались в объективе фотокамеры.

В конце книги вы найдете короткий список тех источников и исторических исследований, с которых, на наш взгляд, следует начинать знакомство с событиями 1914–1918 гг. Как ни странно, серьезных не устаревших исследований сравнительно немного. В после-перестроечное время, когда, казалось бы, наступила неограниченная свобода исторического творчества, часто происходила лишь перелицовка (со сменой оценки) того, что было в свое время написано в 50–80-е гг. XX в. Не следует пренебрегать советской литературой, потому что по богатству изложенных фактов она все еще превосходит многие современные работы.

Например, единственное исследование, полностью посвященное истории штурма Зимнего, принадлежит В. И. Старцеву («Штурм Зимнего». Л., 1987). Очень важно, что Старцев застал устную традицию, бытовавшую в Эрмитаже среди сотрудников, которые видели еще старых дворцовых служителей – свидетелей штурма, и передавали их рассказы. Теперь уже не осталось никого из носителей этой традиции.

Глава 1

Корабли и сражения

Первая мировая война (1914–1918 гг.) была войной нового типа. Главный ее метод – уничтожение живой силы противника и его экономическое изматывание в затяжных позиционных боях. Это серьезно ухудшало положение населения в воюющих странах, вызывало нарастание усталости на фронте и в тылу.

Первая мировая война значительно изменила военное и военно-морское искусство, причем второе – еще более резко и неожиданно. На суше новые черты: тенденция к образованию протяженного фронта, возросшая роль артиллерии и полевой фортификации, появление пулеметов, более разреженный строй пехоты, необходимость в защитной форме, но, самое главное, переход от генерального сражения к войсковой операции – проявились уже во время Русско-японской войны. На море же изменения были куда более радикальными. Исход Русско-японской войны на море, как и столетия ранее, был решен генеральным сражением в Цусимском проливе 14 (27) мая 1905 г. Накануне Первой мировой войны военные моряки всех стран не сомневались, что кульминацией будущей войны на море станет генеральное сражение линейных кораблей – более мощных, чем во время Русско-японской войны, но в принципе играющих ту же роль, что и во времена Ушакова и Нельсона. Однако технический прогресс, как оказалось, шел такими темпами, что мышление военных теоретиков не могло за ним угнаться (табл. 1).

Таблица 1. Первая мировая война в прогнозах современников и в исторической реальности

	Ожидания	Реальность
Продолжительность войны	3–6 месяцев	4 года 3 месяца
Решение исхода войны на море	Генеральное сражение	Последовательные операции
Основное оружие	Линейные корабли	Легкие силы надводного флота (эсминцы, тральщики) и подводные лодки
Роль флота	Самостоятельная	Взаимодействие с армией
Место обеспечения морских перевозок в деятельности флота	Второстепенное	Очень важное

Быстрое развитие технологий в морском деле началось с середины XIX в. Корабли стали железными, обзавелись броней, мощными паровыми машинами, нарезной артиллерией. Однако старое медленно сдавало свои позиции – броненосцы избавились от полного рангоута, позволявшего нести паруса, только в 80-е гг. XIX в., а крейсера – лишь к середине 90-х гг. XIX в. Так, крейсер «Рюрик», вошедший в состав русского флота в 1895 г., передовой по целому ряду конструктивных решений, все еще мог ходить под парусами, как корабли времен Ушакова и Нельсона. Его машины были еще очень неэкономичными, и для длительного крейсерства в океане не хватило бы никаких запасов угля. Поэтому крейсировать предпочитали под парусами, а в случае погони за неприятелем или, наоборот, бегства уже подключали паровую машину.

К концу 70-х – началу 80-х гг. XIX в. сложился классический тип броненосца, просуществовавший до Русско-японской войны. Для него характерны две башни – на носу и на корме, обычно с 305-мм орудиями, а также наличие от восьми до шестнадцати 152-мм орудий, которые располагались побортно: или в небольших башнях, или, чаще, в казематах. Плюс два (иногда три) десятка мелких орудий, для того чтобы отбивать атаки миноносцев.

Кроме того, этот корабль имел таран: вплоть до начала XX в. предполагалось, что бои будут вестись на близких расстояниях. Корабли оснащались также боевыми марсами (площадками на мачте) со скорострельными пушками, предназначенными для того, чтобы при abordажном бое расстреливать противника на палубе вражеского броненосца. До конца XIX в. матросы даже имели на вооружении abordажные сабли.

В начале XX в. произошел технический скачок. Русско-японская война выявила новые тенденции, которые позволили создать новый тип корабля – «линейный корабль», по-английски battleship. Но неформально его называют «дредноутом» – по имени первого корабля этого класса, который построили англичане в 1905 г.

Дредноут отличался от броненосца прежде всего тем, что на нем было принципиально больше орудий крупного калибра: не четыре, а десять, а впоследствии вплоть до четырнадцати. Главный калибр постепенно увеличивался с 280–305 до 381 мм. Был упразднен средний калибр, а мелкий «подрос» до 100–130 и даже до 150 мм. Немного возросла скорость, размеры увеличились примерно в полтора раза, а затем и еще сильнее, улучшилось бронирование. Таким образом, каждый дредноут был раза в три сильнее, чем любой броненосец предшествующей эпохи. Численность экипажа выросла почти в полтора-два раза: на последних броненосцах она составляла 800 человек, на первых дредноутах – 1200–1500. Зато огневая мощь возросла фантастически. После Русско-японской войны победила концепция боя на большой дистанции, и дальность стрельбы морских орудий увеличилась до 20–25 км. При такой дальности невозможно наблюдать результаты стрельбы не только с палубы, но даже с наблюдательных площадок на мачтах. И во время Первой мировой войны родилась идея корректировки стрельбы линейного корабля с самолета. В итоге дальность достигла 40 километров, и на этом ее рост остановился. На фоне дредноутов классические броненосцы оказались устаревшими.

Во время Русско-японской войны Россия потеряла почти все свои броненосцы, служившие в составе Балтийского флота, остались лишь два более-менее современных корабля этого класса – «Цесаревич» (с 1917 г. – «Гражданин») и «Слава». Позднее были построены «Андрей Первозванный» и «Император Павел I» (с 1917 г. – «Республика») – они были заложены в 1905 г., но вступили в строй лишь в 1911–1912 гг. и являлись кораблями «додредноутного» типа. Но даже те страны, чей флот остался на плаву, были вынуждены начать гонку морских вооружений заново. Германия увидела в этом шанс сравняться по морской мощи с Великобританией.

В результате к началу Первой мировой войны Великобритания имела в строю 20 дредноутов и 9 линейных крейсеров, а Германия располагала 15 дредноутами и 4 линейными крейсерами. Франция и Австро-Венгрия могли похвастать 3 дредноутами каждая. Соотношение сил

между Германией и Великобританией было более благоприятным для Германии, чем оно было до начала постройки дредноутов, но Великобритания продолжала сохранять лидерство.

В России в 1912 г. была в основном принята Большая судостроительная программа, предусматривавшая, что к 1930 г. наша страна будет иметь 24 линейных корабля и 12 линейных крейсеров на Балтике, а также 16 линейных кораблей на Черном море. В 1914–1930 гг. на флот планировалось потратить около 1 млрд руб. Эта программа была одобрена царем, и в конце 1914 г. ее намеревались внести на рассмотрение Государственной думы. Принятие такой амбициозной программы указывало на всю несерьезность военного планирования царского правительства. Действительно, фактические расходы на флот возросли до 42 % от расходов на сухопутную армию, тогда как обычно они не превышали 20 %. В дальнейшем предполагался еще более сильный бюджетный крен в сторону флота. По Большой судостроительной программе Россия планировала потратить на флот больше, чем Германия, и несколько меньше, чем США (рис. 1). Для сухопутной страны, которой является Россия, это была недопустимая роскошь.

Следует отметить, что из всех правителей династии Романовых лишь Петр I и Николай II искренне любили флот, а не только признавали его государственное значение. Но в условиях сложнейшей политической ситуации начала XX в. императору следовало сдерживать свои чувства.

Страна	Расходы накануне Первой мировой войны, млн руб. в год	
	На флот	На армию
Великобритания	462	267
США	259	311
Россия	245	581
Германия	227	698
Франция	175	369
Италия	106	117
Япония	41	76
Австро-Венгрия	29	236

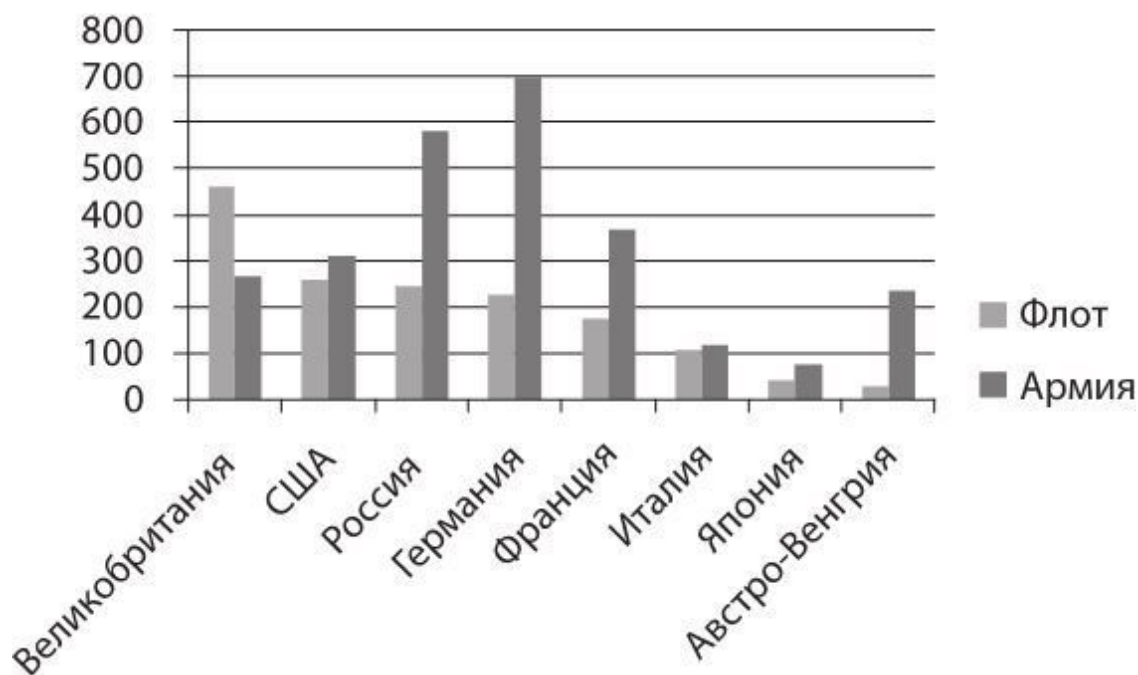

Рис. 1. Расходы на армию и флот накануне Первой мировой войны, млн руб. в год

К концу 1914 г. в строю на Балтике у России находилось 4 современных dreadnought и 4 устаревших «додредноута». На Черном море dreadnoughtов не было вовсе. Только к концу 1916 г. для черноморской акватории построили 2 современных линейных корабля, первый из которых – «Императрица Мария» – вскоре взорвался на рейде при загадочных обстоятельствах. Кроме того, в строю находились 6 сравнительно устаревших «до-дредноутов». Речь не могла идти не только о лобовом столкновении с немецким флотом, но даже в случае появления на Черном море австро-венгерской эскадры русский флот попал бы в тяжелое положение.

После Русско-японской войны произошло обновление командного состава флота. К руководству военно-морскими силами пришли люди более молодые, энергичные и решительные. Из них в первую очередь стоит назвать морского министра Ивана Константиновича Григоровича (1853–1930). Григорович обладал необходимыми для министра качествами – он был неплохим дипломатом и придворным и продержался на своем посту дольше всех министров в последние годы монархии, с 1911 по 1917 г. Он многое сделал для строительства флота, его материального обеспечения и организации.

Другой выдающийся деятель кануна и времени Первой мировой войны – командующий Балтийским флотом (должность несколько раз переименовывалась) в 1908–1915 гг. Николай Оттович фон Эссен (1860–1915), отличный военно-морской начальник, обладавший яркой харизмой и умевший повести за собой подчиненных. Это очень важно в любом деле, но в военном деле особенно. Когда Эссен умер от воспаления легких, Балтийский флот искренне скорбел.

В канун Первой мировой войны о сражении с немецким флотом не могло быть и речи из-за его подавляющего превосходства. Тогда родилась идея минно-артиллерийской позиции – создания в устье Финского залива мощных минных заграждений, прикрытых артиллерийскими батареями на берегах. Уже во время войны заграждения появились в проливах между островами Даго (Хийумаа), Эзель (Сааремаа) и материком, а также вокруг Аландских островов. Последние были демилитаризованы после Крымской войны, Россия не имела права иметь там укрепления и войска в мирное время. Непосредственные подступы к Санкт-Петербургу прикрывали форты «Алексеевский» («Красная Горка») и «Николаевский» («Ино»). Еще до Русско-японской войны Кронштадт был усилен мощными островными фортами «Тотлебен» и

«Обручев». В результате удалось создать неприступную для морских сил противника позицию, прикрывавшую Финский залив и столицу.

Однако создание минно-артиллерийской позиции означало, что флот будет лишен активных задач. Это очень раздражало Эссена, человека чрезвычайно деятельного по натуре. Его стремление действовать во что бы то ни стало порождало фантастические планы, в частности план превентивного захвата шведского флота: Швеция считалась потенциальной союзницей Германии. План состоял во внезапном появлении у Стокгольма главных сил русского флота с предложением выдать шведский флот России под угрозой обстрела столицы. Разумеется, подобная акция, даже в случае ее успеха, сразу же вызвала бы вступление Швеции в войну на стороне Германии и образование русско-шведского фронта на границе Финляндии, за Полярным кругом. Понятно, что высшее руководство страны не пошло на эту авантюру.

Эссен смог создать на Балтийском флоте здоровую творческую атмосферу. Командиры эсминцев учились ходить в финских шхерах без лоцманов, что было необходимо для нанесения внезапных ударов по вражеской эскадре в Финском заливе. Сама идея подобных ударов была высказана еще в 80-е гг. XIX в., но активные тренировки начались лишь при Эссене – до этого командование парализовывал страх перед возможной аварией.

Что касается Германии, то для нее Балтийское море в начале XX в. стало второстепенным морским театром. Лучшие силы флота сосредоточились в Вильгельмсхафене для борьбы с британским флотом. Генеральное сражение с англичанами стало навязчивой идеей германских адмиралов. В кают-компаниях немецких кораблей поднимали тост за «Der Tag» – «День-с-большой-буквы», или «Тот Самый День», когда произойдет это грандиозное столкновение.

Русский же флот справедливо воспринимался незначительной угрозой для Германии. Немцы не представляли, каким способом русские морские силы могут им навредить. Они держали на Балтике только несколько старых броненосцев. В любом случае Кильский канал позволял быстро перебросить морские силы на Балтику или в Северное море по германской территории.

Главным оружием флотов Первой мировой войны была тяжелая артиллерия, поэтому ее главный носитель – линейный корабль – считался фаворитом любого флота. Линейные крейсера имели много общего с линейными кораблями, отличаясь несколько большей скоростью и меньшим бронированием.

В техническом отношении корабли русского флота были достаточно совершенны. Осенью 1914 г. в состав Балтийского флота вошли вполне современные по тем временам линейные корабли «Гангут», «Полтава», «Петропавловск» и «Севастополь», вооруженные двенадцатью 305-мм орудиями каждый. Они стали первыми и последними дредноутами отечественного флота. Но уже в то время в состав британского флота вступали линкоры с 343-мм артиллерией, а к концу Первой мировой войны были построены линкоры, вооруженные восьмью 381-мм орудиями, вес залпа которых превосходил русские линкоры в 1,5 раза, а каждый из снарядов был тяжелее русских в 2 раза.

В табл. 2 показано соотношение основных характеристик типичных линейных кораблей Первой мировой войны, которые могли действовать на Балтике.

Крейсера времен Первой мировой войны в общем сохраняли традиционный облик, сложившийся еще в конце XIX в. Они подразделялись на броненосные (несшие артиллерию калибром 150–210 мм и имевшие довольно солидную броню) и легкие (с орудиями калибра 105–120 мм, бронированные очень слабо). Главной их функцией была разведка и охранение.

Накануне Первой мировой войны совершенствовалось торпедное оружие, и к началу войны торпеда превратилась в грозный снаряд, способный поражать противника на расстоянии до 2 километров.

Главными носителями торпедного оружия были эскадренные миноносцы, которые в первые годы XX в. быстро увеличивались в размерах. Накануне Первой мировой войны в Рос-

сии появились эсминцы типа «Новик», которые по многим параметрам стали «прорывными» кораблями. Особенностью «новики» было то, что они обладали не только высокой скоростью и мощными торпедными аппаратами, но и хорошей артиллерией: четырьмя 100-мм пушками. У немецких аналогов перед войной стояло по три 88-мм пушки, то есть один «Новик» по артиллерийской мощи равнялся двум эсминцам противника. Это открыло новые перспективы применения таких кораблей, они смогли выполнять любые задачи – и обстрел сухопутных войск, и артиллерийскую борьбу с кораблями противника, и минные постановки.

Таблица 2. Характеристики линейных кораблей Первой мировой войны, действовавших на Балтике

	«Слава» (Россия)	«Кайзер» (Германия)	«Лайон» (Великобритания)	«Гангут» (Россия)	«Байерн» (Германия)
Ввод в строй	1905	1912–1913	1912–1913	1914–1915	1916
Водоизмещение, т	16,6 тыс.	24,7 тыс.	26,3 тыс.	23,3 тыс.	28,8 тыс.
Скорость, узлов	18	23,4	28,5	21,7	22
Орудия главного калибра	4 × 305 мм	10 × 305 мм	8 × 343 мм	12 × 305 мм	8 × 381 мм
Орудия среднего калибра	12 × 152 мм	14 × 150 мм	16 × 102 мм	16 × 120 мм	16 × 150 мм
Бронирование пояса до ..., мм	145	350	230	225	350
Бронирование башен до ..., мм	254	300	230	250	350
Построено, шт.	5 (в строю 1)	5	3	4	2

В Первой мировой войне впервые в таком масштабе были применены мины заграждения. За время войны воюющие стороны выставили сотни тысяч якорных мин, а их траление заняло целые годы после окончания боевых действий. Выставляли мины в основном с эсминцев или судов специальной постройки – минных заградителей.

Балтийские эсминцы ночью или в туман могли довольно близко подобраться к немецким портам и выставить небольшие минные заграждения – так называемые минные банки. Подходов к любому порту не так много, поэтому была велика вероятность, что торговое судно или даже боевой корабль противника наткнется на эти мины и погибнет. Вражескому флоту будет обеспечена дополнительная работа – придется бесконечно тралить водное пространство, отвлекать на это силы и средства, что изматывает в том числе психологически. Оказалось, что это эффективная тактика. Из боевых кораблей главной потерей немецкого флота на русских минах стал броненосный крейсер «Фридрих Карл» в ноябре 1914 г.

Этот эпизод в карикатурном виде показан в фильме «Адмиралъ», где эсминец под командованием Александра Колчака вступает с «Фридрихом Карлом» в артиллерийскую дуэль. В действительности если бы «новик» встретился с крейсером, он мог бы только полным ходом уходить, надеясь на туман и на то, что немецкие артиллеристы промахнутся. При нормальной видимости у эсминца не было бы никаких шансов. Тем не менее «Фридрих Карл» действительно подорвался на минах, выставленных русскими эсминцами.

Вот только командиром полудивизиона особого назначения Колчак стал лишь в начале 1915 г. Он действительно совершил успешную минную постановку в феврале в Данцигской бухте, в очень тяжелых условиях, но это произошло уже после подрыва «Фридриха Карла».

Колчак за эту операцию получил орден Св. Владимира 3-й степени с мечами, хотя ущерб немцев от действий его миноносцев точно не установлен до сих пор.

Для поиска мин использовались тральщики, численность которых в составе флотов постоянно возрастала. Как правило, это были мобилизованные рыболовные суда.

Но и немцы не дремали: в октябре 1914 г. их подводной лодке удалось потопить крейсер «Паллада», сравнимый с «Фридрихом Карлом», причем «Паллада» погибла со всем экипажем, в отличие от «Фридриха Карла», на котором погибло только 8 человек, а остальные спаслись.

Первая мировая война стала звездным часом для подводных лодок. Еще накануне войны они считались чем-то вроде подвижного минного заграждения. Но уже в первые месяцы боевых действий подлодки одержали ряд громких побед, самой известной из которых стало потопление трех британских броненосных крейсеров немецкой подводной лодкой U-9 22 сентября 1914 г. Людские потери британцев составили почти 1,5 тыс. человек.

Подводные лодки были и в составе русского флота, но их действия в Первой мировой войне трудно признать удачными – их торпеды ни разу не попали в боевой корабль противника. Все потери, нанесенные германскому флоту подводными лодками на Балтике, на счету британских лодок, которые действовали здесь в течение всей войны и базировались в русских портах. В России был построен первый в мире подводный минный заградитель «Краб», правда, из-за многочисленных «детских болезней» он провел лишь несколько боевых операций. Новейшие и самые массовые русские подводные лодки типа «Барс» имели ряд существенных недостатков, которые делали их эксплуатацию сложной и небезопасной.

Для борьбы с подводными лодками родился новый класс боевых кораблей – сторожевые корабли и корабли-ловушки, но их применяли в основном союзники России, тогда как в составе русского флота их практически не было.

В ходе мировой войны в состав флотов вошли авиатранспорты, или авиаматки, – корабли, которые перевозили гидросамолеты, взлетавшие с воды и садившиеся на нее. К 1918 г. в составе британского флота появились первые настоящие авианосцы, с палубой, приспособленной для взлета и посадки.

В ходе Первой мировой войны важным боевым фактором стала морская авиация. Первоначально самолеты использовались как разведчики, затем их стали вооружать бомбами и торпедами. Появились и истребители.

Что касается боевых действий, самым известным успехом русского Балтийского флота стал захват сигнальной книги с немецкого крейсера «Магдебург», который выскочил на камни из-за навигационной ошибки. Крейсер не мог развивать проектную скорость, поскольку одна из трех его машин была бракованной. Поэтому он нес службу на Балтике, где столкновение с сильным противником считалось маловероятным. 26 августа 1914 г. он налетел на камни у острова Оденсхольм в Финском заливе. Немцы были вынуждены спешно покинуть корабль ввиду приближения русских судов, и штурман не успел уничтожить сигнальные книги, в которых находились переговорные коды. Переговорные коды представляли собой группы из трех букв или цифр (они могли показываться сигнальными флагами или передаваться по радио азбукой Морзе), и каждая такая группа означала слово или понятие. Коды давали свыше 40 тыс. комбинаций, которые позволяли зашифровать почти весь словарный запас любого языка. Расшифровать коды было довольно сложно, потому что их значения легко менялись: к примеру, вводился коэффициент, который смещал эти группы из букв и цифр относительно словаря, и дешифровщикам опять приходилось начинать с нуля.

Добыть сигнальную книгу вражеского флота было исключительным успехом. По некоторым данным, одну такую книгу наши моряки нашли на палубе. Она оказалась завалена кучей сигнальных флагов: видимо, кто-то собирался выбросить ее за борт и уронил. Еще один или два экземпляра нашли на дне русские водолазы, когда обследовали «Магдебург»: по легенде, одну

из них обнимал немецкий сигнальщик, который вместе с ней и утонул. Как правило, подобные «красивые» истории являются плодом воображения.

Русские так обрадовались, что дали своему командованию радиogramму об этом открытым текстом. К счастью, немцы не перехватили радиogramму и до 1918 г. не знали, что их сигнальная книга оказалась в руках русских. Наше командование тут же передало эту информацию англичанам. Отмечу, что мне неизвестно о каких-то успешных операциях, основанных на расшифровке немецких сообщений. Тем не менее история с «Магдебургом» по праву считается военным успехом русского флота.

После этого пленных из состава экипажа крейсера держали под особо строгим контролем – их отправили на Дальний Восток, в Хабаровск. В 1915 г. командир «Магдебурга» корветтен-капитан Рихард Хабенихт (1874–1944) смог бежать, и это вызвало большой переполох: боялись, что он знает про обнаружение русскими сигнальных книг и может выдать эту тайну соотечественникам. Его долго искали и поймали уже в Китае.

В 1915 г. произошло Великое отступление русской армии, к августу фронт откатился до Риги, и там начались позиционные бои. Возникла новая задача – поддержка флотом сухопутной армии.

Перед Первой мировой войной никто в Европе даже не рассматривал такую возможность. Флот и армия существовали как бы в параллельных вселенных и готовились вести войну независимо друг от друга. Во Франции флот должен был помочь армии перевезти из Алжира некоторое количество войск, а в Англии он должен был обеспечить переброску английского корпуса на континент. На этом их взаимодействие заканчивалось.

Возможно, болезненно-подозрительное отношение к идее координации своих действий с армией было связано у моряков с психологической травмой, полученной ими при переходе от паруса к пару. В то время сухопутные теоретики стали писать, будто флот уже ничем не отличается от армии; маневрирование эскадрой происходит так же, как маневрирование батереей полевой артиллерии, поэтому специфика флота ушла в прошлое и руководство им может осуществляться так же, как сухопутной армией, и теми же людьми. Естественно, моряки всего мира стали опровергать это убеждение.

Между тем необходимость сотрудничества армии и флота становилась все очевиднее. Например, если бы в 1914 г. немецкий флот серьезно взялся помогать армии при взятии Антверпена, то город можно было бы принудить к капитуляции раньше. Это позволило бы высвободить немецкие войска – целых два корпуса – и перебросить их на Марну, где решалась судьба войны.

В России взаимодействие армии и флота было чуть более тесным, чем в других европейских странах. Еще накануне Первой мировой войны было принципиально решено, что приморские крепости следует передать морякам. До этого, начиная с середины XIX в., береговая оборона находилась в руках сухопутной армии, причем как орудия, так и методы стрельбы по кораблям военные разрабатывали сами. Нелепость такого положения обнаружилась во время Русско-японской войны, когда выяснилось, что сухопутные артиллеристы не представляют себе особенностей конструкции современных боевых кораблей, по которым им предстояло вести огонь.

Передать береговые крепости в подчинение флоту удалось только в 1925 г. Но одну новую крепость начали строить в 1913 г. как чисто морскую – это была «Морская крепость императора Петра Великого», заложенная в Таллинне-Ревеле. Для ее сухопутного гарнизона даже придумали особую форму, которая сочетала элементы флотской и сухопутной формы, а ее приморские батареи должны были обслуживать моряки.

В 1915 г. пришлось решать вопросы взаимодействия армии и флота практически. Канонерские лодки и эсминцы стали действовать совместно с сухопутной армией, обстреливать немецкие позиции, и делали это успешно.

Кроме того, с началом Первой мировой войны на сухопутном фронте появились морские батальоны. Впервые это случилось на Кавказе. Когда в 1914 г. началась мобилизация, оказалось, что в России матросов в запасе гораздо больше, чем требуется на кораблях. Поэтому из них сформировали несколько батальонов и отправили в Батум, в Михайловскую крепость. Потом точно такие же батальоны появились на побережье Балтики, под Ригой, причем их использовали как штрафные части: туда отправляли моряков, которые в чем-то провинились. Например, Павел Ефимович Дыбенко (1889–1938), известный лидер революционных матросов, одно время воевал в таком морском батальоне.

Самой экзотической морской частью на суше был, конечно, Конно-пулеметный отряд Балтийского флота при Кавказской туземной конной (Дикой) дивизии. Видимо, командование решило, что быстро освоить пулемет кавказским кавалеристам не удастся: тогда он считался очень сложным механизмом, для обращения с которым нужна недюжинная техническая подготовка, – а вот моряки смогут разобраться в любой машине. Конные пулеметчики носили форму Кавказской конной дивизии – черкески с газырями, но при этом черные погоны с тарабарским «БФ» (Балтийский флот). Этот отряд принимал участие во всех боевых действиях Дикой дивизии. Командовал им морской офицер лейтенант Лев Львович Жерар-де-Сукантон (1886–1961), барон, потомок французских эмигрантов времен Великой французской революции. Летом 1916 г. он был официально переведен в сухопутную армию.

В Первую мировую войну на Балтике практически не происходило крупных артиллерийских боев между кораблями. Из отдельных столкновений следует назвать подвиг канонерской лодки «Сивуч» 6 (19) августа 1915 г., которая погибла в неравном бою с немецкими кораблями в Рижском заливе, заслужив прозвище «балтийский “Варяг”».

Самым большим провалом немецкого флота на Балтике за всю войну стала попытка набега эсминцев на Балтийский порт (Палдиски) 10 ноября 1916 г. Из 11 германских эсминцев два погибли на минах на подходе к русскому берегу, а еще пять – при отходе. При этом эффект от набега был нулевым – береговые объекты получили незначительные повреждения, был ранен один русский солдат.

На протяжении всей войны Балтийский флот ставил мины и укреплял береговую оборону. За это время число береговых батарей увеличилось в 5 раз (до 85), а орудий на них – в 3,4 раза (до 290). Было выставлено 35 783 мины в оборонительных заграждениях и 3248 мин в активных заграждениях, у вражеских берегов. Для сравнения, на Черном море, где роль минных заграждений была значительно меньше, было выставлено 5752 мины в оборонительных и 7432 – в активных заграждениях.

Крупнейшей за всю войну операцией на Балтике стала Моонзундская. Моонзунд – архипелаг из островов, которые ныне принадлежат Эстонии: Хийумаа, Сааремаа и Муху, или Даго, Эзель и Моон, как они назывались в то время. Шел октябрь 1917 г., в России на повестке дня стояли грандиозные социальные преобразования, война в сознании людей отходила на задний план. Поэтому русские моряки и солдаты сухопутных частей в бой не рвались.

Немцы использовали в той операции свои новейшие линкоры, в том числе «Байерн». Официально эти корабли находились на испытаниях, кроме того, немцы не рисковали выводить их в Северное море, опасаясь британского флота. Однако и Балтика оказалась совсем не безопасна для немцев – 12 октября 1917 г. «Байерн» подорвался на mine у Моонзунда и чуть не погиб. Русское командование очень боялось потерять четыре своих дредноута, поэтому они практически не участвовали в боевых действиях. Здесь сработало правило – чем больше и дороже корабль, тем меньше он участвует в боях. Страх потерять чудовищно дорогой линкор приводил к тому, что корабли большей частью отстаивались на якоре. В результате при Моонзунде сражался старый броненосец «Слава» 1905 г. постройки. Он получил повреждение, довольно сильно осел, не смог пройти пролив между Мооном и материком и был затоплен. Но все же он до последнего вел огонь по немцам. Сейчас высказывают мнения, что в артилле-

рийской дуэли с немецкими линкорами «Славе» не удалось добиться ни одного попадания (а немцы попали несколько раз), но это дискуссионный вопрос.

Несмотря на героизм отдельных моряков, в ходе Моонзундской операции немцам удалось прорваться в Рижский залив и захватить Моонзундские острова десантом, что значительно улучшило их стратегическое положение.

После Моонзундской операции боевые действия на Балтийском море уже не велись.

Самым большим страхом русского морского и военного командования было предположение, что немцы пойдут на Петроград. Военные при планировании всегда исходят из наихудшего сценария. Иногда это играет злую шутку, потому что наихудший вариант почти никогда не реализуется. В России перед началом войны исходили из того, что, во-первых, к Германии присоединится Швеция, во-вторых, в Финляндии будет антирусское восстание, и на этом фоне немецкий флот в полном составе пойдет в атаку на Петроград.

О подобных намерениях немецкого флота ходило много слухов и в начале войны, и в 1917 г. Даже в августе 1918 г. командующий красными морскими силами Балтийского моря бывший контр-адмирал Сергей Валерианович Зарубаев всерьез обсуждал вопрос, что делать, если немцы начнут атаку на Петроград с моря. Казалось бы, в то время немцы вели последнее наступление на Западном фронте и их внимание было целиком поглощено событиями во Франции, но все равно продолжал сказываться синдром подготовки к наихудшему варианту развития событий.

Страх перед немецкой атакой на Петроград сковывал русское морское командование. Готовились планы защиты города, но было понятно: в случае нападения русский флот может только с честью погибнуть. Отстоять столицу ему вряд ли удастся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.